

Дедушка Ли с улыбкой проводил их к дому. Едва переступив порог, он крикнул внутрь:

— Старуха, тот мастер, о котором я тебе вчера говорил, пришел!

— Мастер пришел, а? — отозвался кто-то изнутри.

Когда они вошли, то увидели слегка сгорбленную старушку, которая, опираясь на стул, поднялась с циновки.

Перед ней стоял узкий длинный алтарь, на котором просто были разложены несколько тарелок с фруктами. В центре маленькой ниши находилась статуя Гуаньинь, а на треснувшем глиняном кувшине дымились благовония.

После того как триста лет назад монах Лин Цзюнь пожертвовал жизнью, Врата Будды начали приходить в упадок. За каких-то две-три сотни лет некогда знаменитые большие храмы превратились в пустыри. В глухих горах и диких лесах часто попадались разрушенные святилища, но в потаенных местах, где обитает дух, древние статуи Будды встречались редко.

Сейчас в маленьких храмах чаще всего живут те, кому негде жить, проводя дни в молитвах и звоне колоколов. Однако все еще находятся искренние последователи Будды, которые поклоняются Будде и Гуань Ин у себя дома, как эта семья.

— Амитофо. Ваша искренность в вере Будде обязательно будет вознаграждена, бодхисаттва непременно защитит вас и поможет найти внука.

— Амитофо, спасибо за добрые слова, — старушка Ли, кивнув, снова искренне поклонилась статуе Гуаньинь, краснея от нахлынувших чувств.

Пока они разговаривали, Ли Фэн уже поставил завтрак на стол. С натянутой улыбкой он пригласил их сесть и расставил перед гостями чашки с простым рисовым отваром.

Простые блюда: рисовый отвар, овощи и миска белых паровых булочек. Сы Хуай с сомнением взглянул на У Няня, беспокоясь, сможет ли этот монах, привыкший к мясной пище, съесть такую скромную еду. Однако он, опустив голову, начал жадно пить отвар и тихо беседовал со старушкой Ли о сутрах.

Сы Хуай взял булочку и положил ее в чашку Чэнь И, улыбнувшись в этот момент. С тех пор как они покинули усадьбу Шэн и добрались до Синьлина, он платил за вино и мясо, чуть было не забыв, что этот монах был аскетом, привыкшим к чаю и простой пище.

Ли Фэн, хлопнув себя по лбу, засмеялся:

— Мы, крестьяне, обычно едим грубую пищу, не обижайтесь, юный господин. Если вам не по вкусу, на кухне еще есть мясо, я пойду приготовлю...

— Не стоит... есть что-то легкое — неплохо, — Сы Хуай мягко усадил его обратно.

— Юный господин, если вам не привыкать, не стоит себя мучить. Хотя мы всего лишь крестьяне, которые ткут ткань и обрабатывают землю, мы не настолько бедны, чтобы не могли накормить гостей. Вы и мастер помогаете нам, как же мы можем скупиться на еду?

— Правда, не нужно, — Сы Хуай вежливо улыбнулся и сменил тему. — Я заметил, что во дворах деревни Ли везде сушат урожай, наверное, в этом году он был хорош. Синьлин — пограничный

город-крепость, но под управлением градоначальника Мэна здесь, похоже, царят мир и спокойствие?

— Вот именно! — дедушка Ли, услышав о градоначальнике Мэне, сразу оживился. — С тех пор как градоначальник Мэн принял управление городом Синьлин, жизнь нам крестьянам, охотникам и дровосекам стала намного лучше, чем раньше. В прошлые годы урожай был плохим, но градоначальник не только не заставлял нас сдавать зерно, но и раздавал нам зерно, захваченное у врагов!

— Отец Бао-эра из соседнего дома был призван в солдаты, и каждый год из дома градоначальника приходят люди, привозя им деньги и еду, — добавила старушка Ли.

— Кстати, до того как градоначальник Мэн стал градоначальником, он бывал в нашей деревне. Тогда сотня врагов преследовала их, десяток человек, но он хитростью перебил большую часть. Его фигура на высоком коне была настолько величественной! И господин, что был с ним, тоже был выдающимся человеком, спасибо его хорошему плану...

Дедушка Ли говорил с энтузиазмом, постукивая палочками по краю чаши, готовый рассказать что-то важное. Ли Фэн привык к этому, он лишь улыбнулся, приглашая других есть, и позвал старику говорить самому с собой.

Сы Хуай, подбирая овощи, делал маленькие глотки отвара, изредка откликаясь в ответ на восторженный взгляд старика.

Шэн Ланьчу также упоминала, что у Мэн Пиншаня когда-то был советник, но он исчез до того, как градоначальник Синьлина совершил свой подвиг, уничтожив десятки тысяч врагов у городских ворот. Поэтому, хотя слава градоначальника Синьлина гремела по всей столице, никто не слышал, чтобы с ним был какой-то советник.

После завтрака дождь снова прекратился. Вода с крыши капала в деревянное ведро, издавая звенящие звуки.

Ли Фэн проводил их в пустую комнату, чтобы они могли отдохнуть. Не спав всю ночь, они были измотаны, поэтому не стали отказываться и, пока хозяйева ушли на работу, легли на кровати, не раздеваясь.

Сон для Сы Хуая не был обязателен, он просто устал. Лежа в кровати и слушав ровное дыхание человека рядом, его затуманенный разум, наоборот, прояснился.

Он осторожно перевернулся на бок, подперев голову рукой, и тихо смотрел на У Няня.

Этот монах был красив: с чистыми чертами лица, будь то триста лет назад или сейчас. Даже во сне он выглядел кротким.

Очень давно он заметил, что губы монаха очень красные, словно вся кровь в его теле собралась в них. Смотря на них, он мог почувствовать, как в его сердце поднимаются другие мысли...

Внезапно охваченный странным чувством, Сы Хуай наклонился и слегка коснулся его слегка сжатых губ, мгновенно отстранившись.

Сы Хуай не помнил, когда именно уснул. Он видел обрывки снов, но, проснувшись, ничего не мог вспомнить, зная только, что в сердце сохранилась нежность того человека.

Снаружи слышались голоса семьи Ли Фэна. За окном уже стемнело. Сы Хуай встал, разминая затекшие мышцы, и удивился тому, что проспал целый день.

Он потянулся к соседнему месту в кровати — оно уже остыло. Не зная, когда тот встал, он вспомнил его долгое спокойное дыхание днем, и щеки снова залил жар. Подняв голову, он увидел, как маленький монах с чашкой отвара вошел, приподняв занавеску.

Чэнь И удивленно «эхнул» и улыбнулся:

— Шишу сказал, что вы должны проснуться, и он верно угадал.

— А где твой шишу? — Сы Хуай взял у него из рук чашку с отваром, не вдаваясь в расспросы о том, почему тот догадался о его пробуждении, и перешел сразу к делу.

Если он не запомнил, то утром У Нянь говорил, что вечером собирается выманить того свирепого призрака.

Чэнь И уставился на браслет из бусин листьев красного сандала, видневшийся из-под рукава Сы Хуая, но ничего не сказал, лишь указал пальцем в окно.

У Нянь, видимо, предупредил всех в деревне. Как только наступил час Сюй, огни в домах начали гаснуть один за другим. Семья Ли Фэна тоже плотно закрыла двери, и в темноте лишь изредка слышались крики петухов и лай собак.

Буддийский колокольчик, висевший на воротах, звенел под порывами ветра, издавая глухие звуки. Монах стоял перед воротами, сложив руки в молитвенном жесте. Его широкая монашеская ряса шелестела на ночном ветру. Перед ним и позади него горели две масляные лампы — видимо, одолженные у старушки Ли, поклонявшейся Будде. Пожелтевшие абажуры выглядели старыми, защищая слабый огонек от холодного ночного ветра.

Небо в эту ночь было мрачным, луна пряталась за облаками, показывая лишь половину лица. Едва можно было различить следы на земле при лунном свете: У Нянь нарисовал веткой на пустой перед домом Ли магический круг. Круг был восьмиугольным, в каждом углу было начертано несколько санскритских знаков, а в центре нарисован большой знак свастики. Но без сияния буддийского света он выглядел как детский рисунок на земле.

По сравнению с прошлым разом, когда вызывали дух барышни Мэй, на этот раз выманливание свирепого призрака выглядело менее торжественно. По крайней мере, У Нянь не надел свою рясу и не поставил лотос в деревянную чашку.

Несколько талисманов проявления духа, нарисованных киноварью, исправно висели на низкой стене двора. Видимо, они еще не привлекли нечисть.

Духи обычно собираются в местах с сильной иньской энергией, иногда также приближаются к живым, чтобы поглотить их янскую энергию. Но сто кланов заклинателей для поимки духов используют свои методы, и самый распространенный — расставить заклинания и магические круги, чтобы заманить их.

Сы Хуай тихо подошел к У Няню, но не успел он приблизиться, как поднялся холодный ветер. Звон колокольчика становился все быстрее и настойчивее, талисманы проявления духа быстро трепетали, словно вот-вот должны были сорваться со стены.

Голос У Няня, читающего заклинания, стал быстрым и торопливым. Он надел четки на

запястье, сложенные ладони быстро перевернулись пару раз, и золотой буддийский свет потек из его ладоней. С жестом привлечения извне свет упал на круг перед ним. Золотой свет, словно вода, потек в каждый угол магического круга, и мгновенно ярко вспыхнул, озаряя темную ночь.

Авторское примечание:

Сюжет в предыдущих главах развивался слишком быстро, я чуть не лыснул. В этих главах мы немного замедлимся и займемся романтикой, хехех~~ Украденный поцелуй, муа~~

<http://bllate.org/book/16805/1545938>